

ЕФРЕМОВ поставил за свою жизнь не так много спектаклей. Еще меньше сыграл как актер (имею в виду сцену, а не кинематограф или телевидение, где он играл много, порой беспорядочно, отдыхая от театральных забот и сняв с себя груз ответственности). Однажды признался: «Я ведь не режиссер в полном смысле слова, как... (Тут он назвал своего друга-оппонента.) Я, наверное, и не актер. Меня никогда не устраивала жизнь от роли до роли, я не хотел остервенело играть или остервенело ставить». Несколько олеших от этих автохарактеристик, я переспросил Олега Николаевича, кто же он есть на самом деле. Ответ был неожиданным: «Вот, знаешь, есть такое понятие — деятель театра. Это, наверное, про меня».

Это действительно про него. В 1986 году Всероссийское театральное общество с большой помощью Ефремова было преобразовано в Союз театральных деятелей. Был крупный спор, как называться союзу. Не слышим ли нескромно именовать себя «деятелями», когда другие называют себя так просто: «писатели», «композиторы», «художники». Он резко отставил прекрасное русское слово именно по отношению к людям театра, чувствуя в нем корень коллективной работы, деяния, свершения, которому он посвятил жизнь.

Среди разных его дарований, щедро отпущенных природой, дар деятеля — высший. Строитель театра, природный лидер, вожак, он обладает для этого редким сплавом способностей. Непрекращаемым для товарищей актерским талантом, магнетическим обаянием, огромной убежденностью и упорством в достижении поставленной цели. В 70-е годы это упорство некоторые будут называть «пробивной способностью», но это не та «пробивная способность», когда человек горы своротит для самого себя и в своих интересах. Он «пробивал» немислимые стены, которые мешали делу его театра.

В работе с актером обладает особым терпением, открывающим в артисте глубинные богатства. Его любимое понятие, вслед за Станиславским, режиссура «корня», выращивание живого человеческого образа на сцене. По составу крови, по своему замесу и театральной вере понимает театр как коллектив единомышленников и вне этого не мыслит себе полноценного дела. Его мхатовская биография исполнена глубочайшего драматизма: за семнадцать лет, несмотря на нечеловеческие усилия и очевидные сдвиги, создать коллектив единомышленников он все же не сумел.

Видит актера до конца, до последнего доньшка, понимает все чудовищные недостатки этой профессии, накладывающие отпечаток на сам характер и способ мышления человека. Готов прощать актеру все, кроме нечистоплотности по отношению к театру как таковому. Если бы сейчас было принято, писал бы слово Театр с заглавной буквы. Находясь в течение многих лет рядом с ним, не устаешь поражаться его незамутненной вере в искусство сцены. В тайник его души не проникла плесень неверия или цинизма по отношению к делу. В наши дни это можно считать чудом.

На репетициях из темноты зала следит за тем, что происходит в освещенном пространстве, молчаливо повторяет за артистом все его слова, артикулирует напряженно, будто колдует, стараясь помочь тому, кто сейчас в луче света. Театр для него прежде всего долг, а потом праздник, радость, развлечение. Когда несколько лет назад возник очередной кризис в отношениях с руководством, в сердцах сказал в Министерстве культуры, что уходит из театра. Потом одумался, взял себя в руки, пошел в тот же кабинет: «Я тут сказал об уходе. Извините, это было минутное малодушие. Из Художественного театра я не уйду, потому что это мой долг». В тот миг, вероятно, не подозревая, вновь сыграл Лямина из володинского «Назначения»: в сходной ситуации, принимая главное решение своей жизни, интеллигент Лямин внулал новопрошедшему чиновнику: «Я пока еще не освобожу это место. Вам придется подыскать себе что-нибудь другое».

Никогда не использовал театр «для чего-то». Не брал пьес, в которых мог бы блеснуть, — и до сих пор на любое предложение поставить спектакль «на него» отвечает отказом. Никогда не строил театр, исходя из актерских appetitov: сегодня ставим для актрисы Х, завтра для У и т. д. Выжидал премьерство, пытался, как мог, и пытался подчинить театр высшим заботам и интересам: надо слушать жизнь, понимать, чем живет страна.

Только на этой почве видит возможность объединиться в театре, но как трудно такое единение давалось в годы духовной разрухи.

Не знает и не любит попеременного состояния работы и отдыха. Не понимает, что значит отдыхать в специально отведенном месте и в отведенное время. Вне работы скучает, сам становится скучным, тяжеловесным собеседником, изнывающим от наших житейских хлопот. Плотное окружение людьми, но в сущности одинок, как степной волк. Нет дома в привычном смысле, нет семейных забот. Его дом — театр, сюда он перенес библиотеку, здесь в кабинете у него уютно. Вернее, было уютно. Несколько дней назад кабинет в театре на Тверском бульваре он покинул и переселился в новый старый МХАТ в бывшем Камергерском переулке.

Не любит праздников: они выключают его из рабочего ритма и навевают желанье «погулять». Без этой черты портрет Ефремова был бы действительно парадным. В праздники, в выходные дни, как правило, назначает репетицию или встречу с автором. Любит переделывать пьесы, в этой переделке дотошен, неистощим, упрям. С утра до ночи может фантазировать, фонтанировать — не раз был

чиновники — а он за свою жизнь хлебнул этого предостаточно, — не падает духом. Напротив, жизнь приучила его и противодействие воспринимать как благотворный знак: значит, еще что-то задает, значит, еще дышит театр, еще живет. В ситуации общественной полемики или борьбы расцветает — тут есть возможность сплотить коллектив, заново ощутить свои цели, разогнать застоявшуюся кровь. Неоднократно на художественных советах, в спорах с дирекцией слышал от него: «Что значит «нельзя»? Если вы во что-то верите, то нет «нельзя».

Избирательный вкус к жизни. Тут скажутся социальные ориентиры юности, структура личности. Родился на Арбате, воспитан арбатской коммуналкой, в которой собрались тогда, как в Новом ковчеге, бывший комендант соловецких лагерей и латышский стрелок, раскаявшийся троцкист и убежденный сталинист. Споры доходили до рукопашной и доносов. Беспорывно трещала печка: жгли книги, журналы, дневники. История документальна уничтожалась, история человеческая творилась на глазах. Там был пройден первый «краткий курс».

«Дети Арбата» — это и о нем написано, о его поколении.

Герцен употребил однажды неуклюже,

А. СМЕЛЯНСКИЙ

НЕ НАДО В АКАДЕМИКИ ОЛЕГА..

Жанр «парадного портрета», пожалуй, самый неподходящий для Олега Ефремова...

свидетелем того, как актеры и драматурги замирали от его способности выстроить новую и безошибочную художественную логику той или иной сцены, акта, всей пьесы. Глубоко уважая писательский дар, по праву является полноценным соавтором многих поставленных им современных пьес. На его «сотворчество» драматурги не обижаются — оно всегда конструктивно, серьезно, очень часто идет в глубь жизни гораздо дальше, чем мыслит автор текста. Позиция театра для него прежде всего позиция живой жизни, застигнутой врасплох. Если зерно такой жизни в пьесе есть, он отстаивает ее до конца. Не раз ошибался в оценке пьесы, но не брался ставить пьесу несовершенно. Но никогда в жизни не ставил пьесу лживую.

Идеальный образ его театра — студия, ранний «Современник». Это, если хотите, матрица его режиссерского мировоззрения. Он «печатает» с этой матрицы с тем автоматизмом, с каким мы производим на свет детей, похожих на нас. Хотели бы иначе, но не получается. Его гениальная театральная система — серьезное и радостное сотворчество близких по духу людей, имеющих что-то за душой. Вокруг его театра должны обязательно роиться самые разные люди, независимо от того, чем они занимаются, — как это было в «Современнике». Вокруг его театра должны быть споры и страсти — вне этого он не чувствует общественной природы дела: не спорят — значит, театр мертв. Когда ему начинают противодействовать

но очень емкое слово «сопластники». Речь шла о людях одного поколения, одного исторического пласта. Ефремов среди тех, кого сегодня именуют «шестидесятниками», да не один из многих, а лидер того призыва, выразитель той «бури и натиска». Как мощно прошумела та буря, как быстро она прошумела. «Сопластники» попали в исторический штиль, в мертвящую паузу, которую нынче именуем «застоем». У одних перебродила кровь, изменилось сознание, поменялись ориентиры. Другие в тех же условиях пытались сохранить себя, отстоять свои идеалы и ценности.

Иных уж нет, а те далече... Он начинал «Современник» на вольном воздухе, потому и сейчас больше всего ценит в театре поэзию действительной жизни. Актерская среда, а тем более среда театральных критиков для него тесна. Она его мало питает. Иногда кажется, что в этой среде он задыхается. Когда в настроении, «когда разгуляется», как магнит, притягивает к себе пестрый, нечиновный люд. Там дышат кислородом. Едет в поезд. Обязательно какой-нибудь шофер или шахтер зазовет к себе «поговорить», или офицер-летчик будет до доньшка рассказывать про свою жизнь, хмелеть на глазах и все время прикладывать руку к козырьку: «Олег Николаевич, разрешите доложить». Он может выдержать несколько дней в ялтинском Доме творчества, но потом непременно сорвется «к своим»: и вот уже пропадает среди циркачей,

рыбаков, пляжных сторожей. Уходят рано утром в море, потом жгут костер, жарят рыбу и беседуют жадно, ночь напролет. Выкуривает в день несколько пачек сигарет, не зная по сей день, что такое давление.

Когда врачи осматривали его и сверстников в юности на предмет выяснения возможной спортивной карьеры, ему единственному предсказали: марафон. Такое было сердце, такой был заряден снаряд. И есть в кого — Николаю Ивановичу Ефремову пошел девяносто второй, а он в полной памяти, разуме и остроумии. На вопрос, как здоровье, старик отвечает без паузы: «По возрасту».

В лицемерной театральной среде соврать ничего не стоит. Если спектакль отвратительный, скажут: «Мне такое искусство не близко», а то и обцелуют, обслоняют, а потом за спиной «понесут» почем зря. В этой среде сумел сохранить искренность. Не то чтобы всем говорит в глаза все, что думает — нет, но соврать, произнести ветвистый заздравный тост, чудовищно преувеличить несуществующие заслуги органически не может. Поэтому его похвалу актеры очень ценят. Сам к похвалам относится, хоть и актер, можно сказать, с чувством стыдливости. После статьи А. Свободина в «Советской культуре», в ко-

переродились лицевые мускулы. Когда ему что-то не нравится, начинают ходить желваки. Долго сдерживается, пытается объяснить, внушить, доказать. Когда все-таки не выдерживает, выплескивается какая-то обжигающая лава.

Умеет разговаривать с начальством. Именно разговаривать, а не пристраиваться. Есть такой способ разговора, когда поедают глазами начальство и на любую чушь заранее кивают головой. В критических ситуациях способен поставить себя так, что начальству становится неуютно от его угрюмства и неподатливости, оно само начинает к нему «пристраиваться». В прежнем кабинете на книжной полке много лет стояла давящая, 1977 года, фотография: руководитель государства вручает ему орден в связи с пятидесятилетием. Оба улыбаются, но никакого подобострастия в улыбке награжденного нет. Один известный драматург, обидевшийся на Ефремова, сказал мне: «Вот фотографию специально выставил. Не поймешь, кто кому вручает орден».

Возраст все же иногда дает себя знать. В последние годы все больше и больше стал думать о прошлом, о корнях и истоках. Увидев впервые древний собор в Чернигове, чуть не заплакал от восторга, а потом долго рассказывал, как

новится поганю от этой ясности, от того, что все бесполезно, ничего никогда не изменится и будет повторяться одно и то же.

Призыв к перестройке воспринял, как строевая лошадь, услышавшая звук полковой трубы. Это его время. Попытку «перестроить» МХАТ оплатил полной ценой. Все взял на себя, как обычно.

На вступительных экзаменах в Школу-студию при Художественном театре в 1945 году читал пушкинское «Желание славы».

На своем пятидесятилетии прочтал любимые строки Б. Пастернака: «Во всем мне хочется дойти до самой сути». На том юбилее руководителя академического флагамена приветствовали московские театры, в том числе и Театр на Таганке. Среди «таганцев» вышел В. Высоцкий с гитарой и испел юбиляру песенку, утром или накануне сочиненную. Охрипший баритон младшего брата, выпускника того же мхатовского лицея 60-х годов, гремел в переполненном зале. Этот голос запросто перечеркивал весь предшествующий официальный и возвращал юбилею Олега Ефремова долгожданный образ неформального и достаточно грустного праздника поколения. Этот голос окликал из другого времени, из другого исторического пласта.

Тоскуй, Олег, в минуты дорогие
По вечно и доподлинно живым,
Мы понимаем эту ностальгию
По бывшим современникам твоим (...)
Ученые, конечно, не наврала,
Но вот страна искусство — страна чудес,
Развитие здесь идет не по спирали,
А врывая и вносая, вразрез, наперерез
Затихла брань, но временны поглажи,
Светла адмиралтейская игла,
Таганка, МХАТ идут в одной упряжке,
И общая телега тяжела,
Мы пара тварей с Ноева ковчега,
Два полушарья мы одной коры,
Не надо в академии Олега,
Бросайте дружно черные шары!»

А. Вознесенский подметил, что с годами руководитель МХАТа все более и более становится похожим на того тощего высокого бурлака, что тянет ляжку на репинской картине, тянет из последних сил, кажется, на одних сухожилиях.

Общая телега тяжела. В упряжке многих не хватает. Трудно быть деятелем. Олег Ефремов продолжает тянуть: нести свой крест и верить. «Академиком», слава богу, он не стал. Про Олега Ефремова говорят — и не без оснований, — что он собрал театр «звезд». Как жаль, что на репетиции «Перламутровой Зинаиды» М. Рощина многие из них отсутствовали: одни не были заняты в спектакле, другие в тот день не репетировали... На снимках: слева — Олег ЕФРЕМОВ; нижний ряд — Е. ЕВСТИГНЕЕВ, П. ШЕРБАКОВ, В. СЕРГАЧЕВ; верхний ряд — О. БАРНЕТ, А. МЯГКОВ, Ю. БОГАТЫРЕВ, И. МИРОШНИЧЕНКО. Фото Г. ЦИТРИНЯКА